

УДК 322.261.7

А. К. Магомедов [A. K. Magomedov]¹
 Д. Г. Мирзаханов [D. G. Mirzakhanov]²

**МЕЖДУ ГЛОБАЛИЗАЦИЕЙ И АНТИ-ТЕРРОРОМ: ТРАНСФОРМАЦИЯ
 ДАГЕСТАНСКОГО ИСЛАМСКОГО СООБЩЕСТВА В ПОСТСОВЕТСКИЙ
 ПЕРИОД**

**BETWEEN GLOBALIZATION AND ANTI-TERROR: TRANSFORMATION
 OF THE DAGHESTAN ISLAMIC COMMUNITY IN THE POST-SOVIET PERIOD**

¹Ульяновский государственный университет, г. Ульяновск, Россия,

²Дагестанский государственный технический университет, г. Махачкала, россия

Аннотация. *Постсоветское развитие ислама в Дагестане проходило в специфических политических условиях, нежели, например, в другой крупной мусульманской республике – Татарстане. Отличия были обусловлены особенностями развития Северного Кавказа и, самое главное, сложившейся в 1990-е годы политической обстановкой в регионе.*

Материалы и методы. *В статье исследуется совокупность факторов, которые определили изменение облика дагестанского ислама в постсоветский период. Авторы преодолевают застарелый стереотип, согласно которому исламо-политическая ситуация в постсоветском Дагестане оценивается как бесконечная борьба между вооружёнными салафитами (которых иначе называют "ваххабитами") и государством (в лице светских властей, силовиков и "официального" ислама). Важной особенностью трансформации мусульманской политики в постсоветском Дагестане можно подчеркнуть безоговорочную трансформацию от религиозно-политической поляризации, которая наблюдалась в 1990-е гг., к политизации ислама и усложнению региональной политики в 2000–2010 гг.*

Результаты. *Thus, our study proves the heuristic value and productivity of the concept "constellation of actors" used in the work, involved in the uncontrolled politicization of Islam in the Republic. Unlike another major Muslim Republic, Tatarstan, where secular political leadership (which can be conceptualized as a "dominant institution") has become a key subject politicizing religion, Dagestan has developed a multi-factor system of politicization of Islam (which can be conceptualized in the concept of "constellation of actors").*

Заключение. *Трансформацию от религиозно-политического противостояния к усложнению исламо-политических взаимоотношений в республике можно уместить в следующих сменяющихся друг друга этапах, которые стали отдельными процессами: 1) 2006–2010 гг. – создание вышеупомянутой "лесной темы" – мобилизация военно-полицейских и пропагандистских ресурсов для силового подавления "лесных" вооружённых формирований радикал-исламистов (2006–2010гг.); 2) 2010–2013 гг. – попытка реализации "мягкой" линии борьбы с терроризмом, которая сменила прежнюю репрессивную парадигму местной политики. Частью "мягкой стратегии" стал гражданский диалог, ключевым элементом которого стали усилия, направленные на поддержку лиц, решившим "выйти из леса" и покончить с подпольной деятельностью; 3) с 2013 г. – отказ от "мягкой стратегии" и возврат к жёстким методам борьбы с терроризмом, диктуемый необходимостью обеспечить безопасность сочинской олимпиады 2014 г. В дальнейшем жёсткий курс был продолжен в связи с ростом влияния ИГИЛ в мире. 4) стабилизации элементов всех этих составляющих в "новом курсе" очередного главы Дагестана В. Васильева (с 2015 г. по настоящее время).*

Ключевые слова: Ислам в Дагестане, глобализация, антитеррор, поляризация ислама.

Abstract. *Post-Soviet development of Islam in Dagestan took place in specific political conditions than, for example, in another large Muslim Republic – Tatarstan. The differences were due to the peculiarities of the development of the North Caucasus and, most importantly, the political situation in the region in the 1990s.*

Materials and methods. *The article studies a combination of factors which identified the change in appearance of Dagestan Islam in post-Soviet period. The authors overcome the old stereotype, according to which Islam-Politics situation in post-Soviet Dagestan is evaluating as an endless battle between armed Salafis (who are otherwise called "Wahhabis") and state (in the face of secular authorities, security forces and "official" Islam). An important feature of the transformation of Muslim politics in post-Soviet Dagestan can emphasize the unconditional transformation from religious-political polarization which took place at 1990s to politicization of Islam and complication of regional policy at 2000–2010.*

Conclusion. *The transformation from the religious-political opposition to the complication of the Islamo-political relations in the Republic could be written in the following successive stages, which were separate processes: 1) 2006–2010 – the creation of the aforementioned "forest theme" – the mobilization of the military police, and advocacy resources for the violent suppression of the "forest" of armed groups of radical Islamists (2006–2010); 2) 2010 to 2013 – attempt to implement "soft" lines of the fight against terrorism, which*

has replaced the former repressive paradigm of local politics. Part of the "soft strategy" was the civil dialogue, a key element of which was the efforts to support those who decided to "get out of the forest" and end the underground activities; 3) since 2013 – the rejection of the "soft strategy" and a return to tough methods of combating terrorism, dictated by the need to ensure the security of the Sochi Olympics in 2014. In the future, the hard course was continued due to the growing influence of ISIS in the world. 4) stabilization of elements of all these components in the "new course" of the next head of Dagestan Vladimir Vasiliev (with 2015. at the present time).

Key words: Islam in Dagestan, globalization, anti-terror, polarization of Islam.

Введение. Постсоветское развитие ислама в Дагестане проходило в специфических политических условиях, нежели, например, в другой крупной мусульманской республике - Татарстане. Отличия были обусловлены особенностями развития Северного Кавказа и, самое главное, сложившейся в 1990-е годы политической обстановкой в регионе. Общество оказалось в атмосфере множественного кризиса: атмосфера болезненных социально-экономических изменений в стране дополнялась на Северном Кавказе условиями военно-силовой эскалации двух чеченских войн в сочетании со стремительной политизацией ислама¹. **Цель исследования заключается в том, чтобы** выявить и проанализировать ключевые особенности трансформации дагестанского мусульманского сообщества для осмысления рисков и деструктивных последствий данного процесса. Мы исследуем факторы, которые определили изменение облика дагестанского ислама в постсоветский период и превращение борьбы с терроризмом в элемент внутренней политики республики. В основе исследования положена методология неинституционализма, которая позволила выявить характеристики и интересы республиканских акторов, политизирующих ислам. В рамках данной методологии использование концепта "конstellация акторов" дало возможность раскрыть разрушительную роль многочисленных субъектов, вовлеченных в исламо-политическую трансформацию Дагестана. **Работа должна ответить на следующие вопросы:** Насколько глобализация локального дагестанского ислама, с одной стороны, и политика анти-террора, проводимой российским государством с 2000 по 2014г., с другой, изменили природу постсоветского дагестанского мусульманского сообщества? Насколько продуктивной может быть использование в работе вышеуказанного концепта "конstellация акторов", втянутых в неуправляемую политизацию ислама в республике?

Вначале полезно отметить основные характеристики мусульманской трансформации в регионе. Многие исследователи, как отечественные, так и зарубежные, неоднократно подчёркивали, что Дагестан является наиболее исламизированным ареалом России². Южный дагестанский город Дербент стал местом, куда ранний ислам пришел еще в 7–8 веках и откуда он начал распространяться по всему Северному Кавказу. Постсоветские десятилетия стали для республики периодом стремительного мусульманского развития. Следующие факты свидетельствуют о том, насколько впечатляющим было это развитие: до 80 % паломников, 2245 мечетей (более 80 % всех культовых исламских объектов в России), множество мусульманских вузов и медресе приходится на республику, где проживают лишь 7 % российских мусульман. Шафиитский характер ислама, который установился в Дагестане, а также в Чечне и Ингушетии, стал результатом ранней исламизации региона. Это давало основание многим местным религиозным и общественным активистам говорить о самобытности и локальной чистоте дагестанского ислама, принятого чуть ли не от соратников самого пророка Мухаммеда³. Однако два постсоветских десятилетия буквально изменили характер мусульманского развития, и в целом облик ислама в республике.

Здесь необходимо сделать еще одно важное замечание. На наш взгляд, для лучшего понимания проблем новейшей отечественной мусульманской трансформации большое значение имеет переоценка термина «исламское возрождение», который стал общепринятым в научной литературе. Мы считаем принципиально необходимым рассматривать данное определение как сугубо условное или метафоричное. Мы исходим из того, что современное исламское сообщество, которое сложилось за постсоветские десятилетия, мало напоминает собой дореволюционный мусульманский образец, который должен "возродиться", согласно логике данного понятия.

¹ Макаров Д. Официальный и неофициальный ислам в Дагестане. М.: ЦСиПИ, 2000.

² Малашенко А. В. Исламские ориентиры Северного Кавказа. Москва: Гендальф, 2001; Абдулагатов З. М. Северокавказский мусульманин: между законами государства и нормами ислама // Дагестанский социологический сборник. Махачкала: Алеф, 2013. С. 25–38.

³ Ibragimov M.-R., Matsuzato K. Islamic Politics at the Subregional Level of Dagestan: Tarika Brotherhoods, Ethnicities, Localism and the Religious Administration // Europe-Asia Studies. 2005. No. 5. P. 753-779; Магомедов А. К., Мацузато К., Викторин В.М. Ислам и политика в современной России: "ядро" и "периферии" мусульманского пространства. Ульяновск: УлГУ, 2006. С. 23-24.

Можно полностью согласиться с мнением дагестанского исламоведа А. Р. Шихсаидова, который заметил, что исламские институты конца 19 – начала 20 века являются тенью от тех знаменитых мусульманских учреждений, которые сделали Дагестан центром кавказского ислама еще в 18 веке⁴. Аналогичный вывод был сделан известным российским историком В. О. Бобровниковым⁵. Это говорит о том, что на самом деле имеет место не столько «возрождение ислама», сколько появление постсоветского мусульманского сообщества как нового явления со своими особыми признаками.

* * *

Первое постсоветское десятилетие характеризовалось нарастающей конфронтацией между различными частями дагестанской уммы. Во многом это было связано с тем, что в атмосфере фрагментации отечественного ислама, в российском мусульманском сообществе началось распространение салафизма, а в Дагестане были созданы влиятельные салафитские общины. Именно в этот период в Дагестане развернулась активность лидеров радикального ислама, таких как бывший в начале 1990-х главой Партии исламского возрождения Ахмедкади Ахтаев (умер в 1998 г.), идеолог строительства на Северном Кавказе исламского государства шейх Багаутдин Кебедев (находится в федеральном розыске), руководитель «Союза мусульман России» Надиршах Хачилаев (убит в 2003 г.). Драматичным продолжением данного процесса стало то, что именно в Дагестане возобладали идеи исламской социальной и политической альтернативы существующему тогда социально-политическому порядку. В республике на базе сел так называемой "кадарской зоны" (на базе сёл Кадар, Карамахи, Чабанмахи и Чанкурбе) был сформирован мощный, как было принято тогда называть, "ваххабитский джамаат". Этот анклав был объявлен лидерами джамаата "исламской территорией" (с соответствующим самоуправлением и попытками установления законов шариата), которая просуществовала до своего военного разгрома в 1999 г. В указанный период многие мусульмане Дагестана начали ставить перед властями острые социальные вопросы. Данный процесс сопровождался расколом мусульманского сообщества республики на различных уровнях: на уровне районов, джамаатов и даже населенных пунктов. Если говорить коротко и схематично, то внутримусульманская конфронтация проходила по линии противостояния агрессивного салафитского меньшинства и довольно инертного "традиционалистского" (суфийского) большинства⁶. Местное официальное духовенство (в лице Духовного управления мусульман Дагестана – ДУМД) в союзе со светскими властями выработали на данном этапе свой исламо-политический дискурс, в рамках которого охотно называли салафитов "террористами". Подобная характеристика была убедительна для подавляющего большинства дагестанцев. Главным образом потому, что параллельным эффектом начала второй чеченской войны в 1999–2000 гг. стал разгром вышеописанного кадарского "ваххабитского анклава", который оказался тесно связан с деятельностью печально известных чеченских полевых командиров Басаева и Хаттаба.

Глобализация дагестанского мусульманского сообщества и усложнение исламской политики.

В 2000-е гг. начался новый поворот в развитии дагестанской исламской политики. Ключевой характеристикой данного поворота можно назвать глобализацию и интернационализацию местного мусульманского сообщества. Глобализация ислама и количественные изменения в мусульманском сообществе Дагестана (в виде увеличения количества мечетей, роста численности паломников, развития исламской инфраструктуры и т.д.) в сочетании с кризисом политических институтов и незавершенным характером постсоветской трансформации привели к тому, что Дагестан начал превращаться в один из эпицентров не только российского, но и мирового мусульманского подъёма. Здесь необходимо отметить качественную характеристику описываемого поворота. Он заключался в том, что, начиная примерно с 2006 г. начал размываться и терять свою убеждающую силу официальный политический дискурс, в котором противопоставлялся так называемый "традиционный" (в смысле "хорошего" и "правильного") ислам салафитскому (в смысле "плохому" и "неправильному") исламу.

Что лежало в основе указанного поворота?

⁴ Шихсаидов А. Ислам в Дагестане // Центральная Азия и Кавказ. Лулео, 1999. № 4. С. 110.

⁵ Бобровников В. Археология строительства исламских традиций в дагестанском колхозе // Ab Imperio. 2004. №3. С. 564, 582.

⁶ Акаев В. Конфликты между традиционным и нетрадиционным направлениями в исламе: причины, динамика и пути преодоления (на материалах Северного Кавказа) // Центральная Азия и Кавказ. Лулео, 2008. №2 (56). С.127-134.

Первая – интернационализация дагестанского ислама, которая выражалась в активных международных контактах дагестанских мусульман. Здесь необходимо отметить следующие факты. Подавляющее большинство российских паломников, совершающих Хадж в Мекку, являются жителями Дагестана. Так, ежегодно из республики в Саудовскую Аравию ежегодно выезжают в Хадж от 12 до 15 тысяч человек⁷. Между тем официальной религией королевства является учение Мухаммеда ибн Абд аль Ваххаба – то, что называют "ваххабизмом". К этому нужно добавить, что по состоянию на 2010 год более трёх тысяч дагестанцев обучалось в исламских учебных заведениях в арабских странах, несмотря на противодействие светских властей, официального духовенства и силовых структур⁸. По сути дела, целые армии дагестанских мусульман ежегодно имели возможность расширять свой религиозный уровень, приобщаясь к глобальным исламским знаниям и практикам.

Помимо вышеуказанных непосредственных контактов местных мусульман с зарубежными единоверцами, глобализации дагестанского ислама способствовало также то, что в современных условиях каждый желающий имеет доступ к тому, чего прежде не имели предки нынешних молодых верующих: интернет-сайты, материалы научных конференций, электронные библиотеки в разных уголках мира. Важнейшей чертой интернационализации и глобализации ислама можно считать появление сетевых форм мусульманской активности и коммуникаций, реализуемых мусульманской молодёжью в течение 2000-х гг. Как пишет А. Ярлыкапов, данная форма ислама "получила на Северном Кавказе название "нового ислама" – в противовес так называемому "старому исламу" в лице местной суфийской разновидности⁹. Суть столкновения локального дагестанского ислама с глобальным мусульманским миром хорошо описал в интервью махачкалинской газете "Черновик" Хаджимурад Дамадаев – молодой человек, получивший исламское образование в Сирии и поработавший в сельской мечети в горном Шамильском районе Дагестана. Драматизм ситуации, по его словам, заключался в том, что "если одни приезжали в Сирию за знаниями, то другие - чтобы найти доказательства своим убеждениям, пытаясь загнать океан ислама в узкий дагестанский тарикат"¹⁰. Противопоставление по линии "нового" и "старого" ислама стало одной из важнейших линий исламо-политической конфронтации в России. Глобализация ислама, сетевые формы мусульманской активности, развиваемые исламской молодёжью, и меняющийся облик дагестанского исламского сообщества, были чужды и неприемлемы для лидеров местного тарикатизма, что создавало дополнительное поле для конфликтов. Тем не менее, эти перемены, которые вели к контактам дагестанских мусульман с зарубежными единоверцами, начали подрывать вышеупомянутый доминирующий дискурс, противопоставляющий, как уже было сказано, "традиционный" (т. е. хороший) ислам "фундаменталистскому" (т. е. плохому) исламу¹¹. А сетевая активность и сетевые практики определили продвижение новых исламских знаний в самые разные регионы и сообщества. Это был момент, когда узкий дагестанский тарикат оказался перед лицом "океана ислама". Как результат, все указанные процессы привели к интернационализации и глобализации дагестанского ислама. По мнению вице-министра правительства Дагестана по национальной политике Расула Гаджиева, высказанного им в интервью М.-Р. Ибрагимову и К. Мацузато, примерно половина участников пятничной молитвы в центральной мечети Махачкалы не практикуют традиционные дагестанские обряды. Вместо этого они используют обряды, которые усвоили во время Хаджа и других международных контактов¹². В итоге мусульманское количество начало переходить в качество: произошла глобализация дагестанского ислама и изменение его облика через преодоление его локальной самобытности. Всё это привело к тому, что местных мусульман стало всё труднее убеждать в том, что ваххабизм является угрозой региональной стабильности. Активные дагестанские мусульмане, как было показано, начали понимать, что дагестанский ислам, который они воспринимали как традиционный и "чистый в мире", был

⁷ Ibragimov M.-R, Matsuzato K. Contextualized Violence: Politics and Terror in Dagestan // Nationalities Papers. 2014. Vol. 42. No. 2. P. 288, 302.

⁸ Абдулагатов З. М. Проблема умеренности в дагестанском салафизме // Дагестанский социологический сборник. Махачкала: Алеф, 2011. С. 88.

⁹ Ярлыкапов А. Ислам и конфликт на современном Северном Кавказе // Кавказ и Глобализация. 2012. Т. 6. № 3. С. 4.

¹⁰ "Бросайте вахабистов в реку... я за это отвечу". URL: <http://chernovik.net/content/religiya/brosayte-vahabistov-v-reku-ya-za-eto-otvechu>

¹¹ Сулейманова Ш. С. Политический дискурс ислама в XXI веке // Ислам в современном мире. 2015. Т. 11. № 3. С. 155-162.

¹² Ibragimov M.-R., Matsuzato K. Islamic Politics at the Subregional Level of Dagestan: Tarika Brotherhoods, Ethnicities, Localism and the Religious Administration // Europe-Asia Studies. 2005. No. 5. P. 753-779.

не более чем локальным вариантом и историческим казусом. Это осознание начало разрушать прежде поляризованное восприятие исламской политики по линии "хороших" тарикатистов и "плохих" салафитов. Светские власти и ДУМД оказались в сложной ситуации, поскольку, как уже было сказано, их тезис о том, что салафиты являются "террористами", начал терять убеждающую силу.

Второй причиной стало растущее недоверие местного населения к властям – как к республиканским, так и федеральным в атмосфере напряженной социально-экономической ситуации в регионе. Что касается региональных и местных властей, то они дискредитировали себя в глазах народа коррупцией и неэффективностью в решении повседневных вопросов. Если говорить о федеральных структурах власти, то они подрывали свой авторитет произволом силовиков в рамках громко заявленной "борьбы с терроризмом". Именно в этот период в дагестанский политический лексикон вошла зловещая аббревиатура КТО ("контр-террористическая операция"), которая стала прочно ассоциироваться у жителей республики с похищениями людей, бессудными расправами и прочими акциями устрашения как в отношении отдельных людей, так и в отношении целых сёл¹³. Данная политика закономерно вызывала разочарование простых дагестанцев. Разочарование было особенно сильным от того, что дагестанские мусульмане помнили, как в 1999 г. они, рискуя своими жизнями, сражались за единство России, выступив против вторжения из Чечни отрядов Хаттаба и Басаева. Именно эти обстоятельства привели к тому, что народ начал весьма прохладно относиться к официальной пропаганде о "ваххабитской угрозе", которая прежде эффективно работала.

Ислам и политика в Дагестане в логике анти-террора (2000–2014 гг.). В 2000-е гг. характер исламополитической жизни Дагестана во многом стала определять пресловутая "лесная тема". Термин "лес" вошел в дагестанский политический лексикон в 2006 г. и имел несколько значений. На языке официальной власти и силовых структур им обозначали "радикал-исламистское подполье". Если говорить в терминах политики, то это понятие подразумевало перевод исламо-политических отношений в политику антитеррора, которая почти на целое десятилетие определила природу республиканского политического процесса. Наконец, это явление породило новый политический дискурс, который превратил тему "борьбы с терроризмом" и проблему насилия не только в часть регионального политического процесса, но стал важным фактором гражданской жизни Дагестана; Важнейшим аспектом данной темы можно считать конфигурацию политических акторов, вовлечённых в данный процесс. Эта комбинация имеет сложное устройство и представляет собой систему взаимоотношений между следующими субъектами: 1) светские власти республики; 2) силовые структуры в лице МВД-ФСБ-Национальный антитеррористический комитет (НАК); 3) Духовное управление мусульман Дагестана (ДУМД); 4) умеренные салафиты; 5) радикальные салафиты ("лесное" подполье). Другой уникальной особенностью Дагестана стал выход исламских лидеров в публичную политику, бросивших вызов официальной власти через электоральное выдвижение официальных мусульманских лидеров на парламентских выборах 2016 г.

Таким образом, наше исследование доказывает эвристическую ценность и продуктивность используемого в работе концепта "конstellация акторов", втянутых в неуправляемую политизацию ислама в республике. В отличие от другой крупной мусульманской республики – Татарстана, где ключевым субъектом, политизирующими религию, стало светское политическое руководство (которое можно концептуализировать как "доминирующий институт"), в Дагестане образовалась многоакторная система политизации ислама (которую можно концептуализировать в понятии "конstellация акторов"). Трансформацию от религиозно-политического противостояния к усложнению исламо-политических взаимоотношений в республике можно уместить в следующих сменяющих друг друга этапах, которые стали отдельными процессами: 1) 2006–2010 гг. – создание вышеупомянутой "лесной темы" – мобилизация военно-полицейских и пропагандистских ресурсов для силового подавления "лесных" вооруженных формирований радикал-исламистов (2006–2010 гг.); 2) 2010–2013 гг. – попытка реализации "мягкой" линии борьбы с терроризмом, которая сменила прежнюю репрессивную парадигму местной политики. Частью "мягкой стратегии" стал гражданский диалог, ключевым элементом которого стали усилия, направленные на поддержку лиц, решившим "выйти из леса" и покончить с подпольной деятельностью; 3) с 2013 г. – отказ от "мягкой стратегии" и возврат к жёстким методам борьбы с терроризмом, диктуемый необходимостью обеспечить безопасность сочинской олимпиады 2014 г. В дальнейшем жесткий курс был

¹³ Джемаль О., Полонский В. Здесь был дом или КТО в Гимрах. Ч. 1-2// Черновик. 2014. 14 декабря. URL: chernovik.net/content/inve-smi/zdes-byt-dom-ili-kto-v-gimrakh

продолжен в связи с ростом влияния ИГИЛ в мире. 4) стабилизации элементов всех этих составляющих в "новом курсе" очередного главы Дагестана В. Васильева (с 2015 г. по настоящее время).

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдулагатов З. М. Проблема умеренности в дагестанском салафизме // Дагестанский социологический сборник. Махачкала: Алеф, 2011. С. 82-98.
2. Абдулагатов З. М. Северокавказский мусульманин: между законами государства и нормами ислама // Дагестанский социологический сборник. Махачкала: Алеф, 2013. С. 25-38.
3. Акаев В. Конфликты между традиционным и нетрадиционным направлениями в исламе: причины, динамика и пути преодоления (на материалах Северного Кавказа) // Центральная Азия и Кавказ. Лиле, 2008. №2 (56). С.127-134.
4. Бобровников В. Археология строительства исламских традиций в дагестанском колхозе // Ab Imperio. 2004. №3. С. 563-593.
5. "Бросайте вахабистов в реку... я за это отвечу". URL: <http://chernovik.net/content/religiya/brosayte-vahabistov-v-reku-ya-za-eto-otvechu>
6. Джемаль О., Полонский В. Здесь был дом или КТО в Гимрах. Ч. 1-2// Черновик. 2014. 14 декабря. URL: chernovik.net/content/inve-smi/zdes-byt-dom-ili-cto-v-gimrakh
7. Ibragimov M.-R., Matsuzato K. Islamic Politics at the Subregional Level of Dagestan: Tarika Brotherhoods, Ethnicities, Localism and the Religious Administration // Europe-Asia Studies. 2005. No. 5. P. 753-779.
8. Ibragimov M.-R, Matsuzato K. Contextualized Violence: Politics and Terror in Dagestan // Nationalities Papers. 2014. Vol. 42. No. 2. P. 286-306.
9. Магомедов А. К., Мацузато К., Викторин В.М. Ислам и политика в современной России: "ядро" и "периферии" мусульманского пространства. Ульяновск: УлГУ, 2006. 72 с.
10. Малашенко А. В. Исламские ориентиры Северного Кавказа. Москва: Гендальф, 2001. 180 с.
11. Макаров Д. Официальный и неофициальный ислам в Дагестане. Москва: ЦСиПИ, 2000. 84 с.
12. Сулейманова Ш.С. Политический дискурс ислама в XXI веке // Ислам в современном мире. 2015. Т. 11. № 3. С. 155-162.
13. Шихсаидов А. Ислам в Дагестане // Центральная Азия и Кавказ. Лиле, 1999. № 4. С. 108-115.
14. Ярлыкапов А. Ислам и конфликт на современном Северном Кавказе // Кавказ и Глобализация. 2012. Т. 6. № 3. С. 115-128.

REFERENCES

1. Abdulagatov Z. M. Problema umerennosti v dagestanskom salafizme // Dagestanskii sotsiologicheskii sbornik. Makhachkala: Alef, 2011. S. 82-98.
2. Abdulagatov Z. M. Severokavkazskii musul'manin: mezhdu zakonami gosudarstva i normami islama // Dagestanskii sotsiologicheskii sbornik. Makhachkala: Alef, 2013. S. 25-38.
3. Akaev V. Konflikty mezhdu traditsionnym i netraditsionnym napravleniyami v islame: prichiny, dinamika i puti preodoleniya (na materialakh Severnogo Kavkaza) // Tsentral'naya Aziya i Kavkaz. Luleo, 2008. № 2 (56). S. 127-134.
4. Bobrovnikov V. Arkheologiya stroitel'stva islamskikh traditsii v dagestanskom kolkhoze // Ab Imperio. 2004. №3. S. 563-593.
5. "Brosajte vakhabistov v reku... ya za eto otvechu". URL: <http://chernovik.net/content/religiya/brosayte-vahabistov-v-reku-ya-za-eto-otvechu>
6. Dzhemal' O., Polonskii V. Zdes' byl dom ili KTO v Gimrakh. Ch. 1-2 // Chernovik. 2014. 14 dekabrya. URL: chernovik.net/content/inve-smi/zdes-byt-dom-ili-cto-v-gimrakh
7. Ibragimov M.-R., Matsuzato K. Islamic Politics at the Subregional Level of Dagestan: Tarika Brotherhoods, Ethnicities, Localism and the Religious Administration // Europe-Asia Studies. 2005. No. 5. P. 753-779.
8. Ibragimov M.-R, Matsuzato K. Contextualized Violence: Politics and Terror in Dagestan // Nationalities Papers. 2014. Vol. 42. No. 2. P. 286-306.
9. Magomedov A. K., Matsuzato K., Viktorin V.M. Islam i politika v sovremennoi Rossii: "yadro" i "periferii" musul'manskogo prostranstva. Ulyanovsk: UIGU, 2006. 72 s.
10. Malashenko A. Islamskiye orientiry Severnogo Kavkaza. Moskva: Gendal'f, 2001. 180 s.
11. Makarov D. Ofitsial'nyi i neofitsial'nyi islam v Dagestane. Moskva: ZSiPI, 2000. 84 s.
12. Suleimanova Sh. S. Politicheskii diskurs islama v XXI veke // Islam v sovremennom mire. 2015. T. 11. № 3. S. 155-162.
13. Shikhsaidov A. Islam v Dagestane // Tsentral'naya Aziya i Kavkaz. Luleo, 1999. № 4. S. 108-115.
14. Yarlykapov A. Islam i konflikt na Severnom Kavkaze // Kavkaz i Globalizatsiya. 2012. T. 6. № 3. S. 115-128.

ОБ АВТОРАХ

Магомедов Арбахан Курбанович, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой связей с общественностью, рекламы и культурологии, декан факультета культуры и искусства Ульяновского государственного университета. г. Ульяновск, ул. Л. Толстого, 42. e-mail armagomedov@gmail.com, +7 905 183 0282

Magomedov Arbakhan Kurbanovich, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of PR, Dean of Faculty of Culture and Arts of the Ulyanovsk State University. Ulyanovsk, ulitsa Lva Tolstogo, 42. e-mail armagomedov@gmail.com, +7 905 183 0282

Мирзаханов Джабраил Гасанович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Дагестанского государственного технического университета. г. Махачкала, пр. Имама Шамиля, 70. e-mail: mirzakhanov1962@mail.ru, +7 989 669 8380

Mirzakhanov Dzhabrail Gasanovich, Candidate of Philosophy, Associate Professor of Department of Philosophy of the Dagestan State Technical University. Makhachkala, Imam Shamil Avenue, 70. 70. e-mail: mirzakhanov1962@mail.ru, +7 989 669 8380

Дата поступления 23.01.2019